

Статья М. Кузмина о К. Д. Бальмонте в «Жизни искусства»

*Подготовка текста и публикация П. Дмитриева
(Музыкальная библиотека Санкт-Петербургской академической филармонии
им. Д. Д. Шостаковича)*

Кузмин впервые познакомился со стихами Бальмонта, вероятно, никак не позже последнего десятилетия XIX века. И, можно сказать, тогда же пришел с ними в «творческое соприкосновение», взяв тексты Бальмонта в качестве основы для своих музыкальных произведений. В период с конца 1890-х по 1906 год — год прочного «вхождения» в литературный мир — Кузмин положил на музыку не менее семи стихотворений Бальмонта: «Тишина» («Чуть бледнеют янтари...») (июль 1899); «Болотные лилии» («Побледневшие, нежно-стыдливые»), у Кузмина — «Лилии» (январь 1900); «Лестница любви» («Только бы встречаться...») (январь 1904); «Красный цветок» («То, что люди называли по наивности любовью...») (январь 1905); «Я заглянул во столько глаз...» (февраль 1905); «Свобода (Из Шелли)» («Лучезарен губительной молнии блеск...») (апрель 1905); «Три камня» («Я их люблю обеих...») (1906).¹ Для сравнения: из поэтов этого времени им написана музыка на тексты Д. С. Мережковского (четыре произведения) и Вяч. Иванова (два).

Личное же знакомство Кузмина с Бальмонтом произошло, вероятно, на Башне Вячеслава Иванова. В своем дневнике 1934 года Кузмин вспоминает и даже сопоставляет двух поэтов — крупнейших представителей русского символизма: «Конечно, больше всего у него <Вяч.

¹ См.: РГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 43. Авторский список музыкальных сочинений 1890–1906 гг. Автографы и копии первых четырех произведений нам известны, они хранятся в РГАЛИ (ф. 232) и Отделе рукописей РНБ (ф. 400).

Иванова» в характере было общего с Бальмонтом и у Бальмонта с ним. Они могли долго и серьезно обсуждать, кто из них бирюзовый, а кто из них вечеровой, любили напиваться, при всей своей бородатости и волосатости, чувствовать и держать себя эфеминированно, иногда в качестве “дерзких” срывать и свои, <и> чужие одежды, вообще безобразить». ² Ср., кстати, мнение Ольги Шор (на протяжении четверти века близкого друга Вяч. Иванова): «Сближали этих поэтов их общие резкие отталкивания как от последних проявлений позитивизма и утилитаризма в литературной критике, так и от меланхолических ламентаций на народную, социальную и личную судьбу в “изящной литературе”».

Объединяла их эллинистическая страсть, “александрийская” жадность к усвоению и вкушению всего разнообразно прекрасного во всех веках, у всех народов». ³

Что же до Кузмина, то Бальмонт не занял в его жизни сколько-нибудь значительного места (как, скажем, Вяч. Иванов или Валерий Брюсов). ⁴ Конечно, и Кузмин ни по складу личности, ни по своим интересам, вероятно, ничем не мог заинтересовать Бальмонта. Комментаторами собрания стихов Кузмина (Мюнхен, 1976–1977) приводится издевательская пародия Бальмонта, написанная на принадлежавшем ему экземпляре первого поэтического сборника Кузмина «Сети» (1908) — дополнительные строфы на полях стихотворения «Мне не спится, дух томится». ⁵

Между тем, именно между Бальмонтом и Кузминым произошел обмен публичными поздравлениями по случаю празднования юбилейных дат их пребывания в литературе. Так, 13 января 1912 года в «Бродячей собаке» Кузмин произнес приветственное слово Бальмонту (находившемуся в эмиграции) на заочном чествовании в связи с 25-летием его литературной деятельности:

² Кузмин М. Дневник 1934 года / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Г. А. Морева. СПб., 1998. С. 92. В конце цитаты — парафраза строк стихотворения Бальмонта «Хочу» из сборника «Будем как солнце» (1902). Ср. также посвящение Бальмонтом своего венка сонетов «Адам»: «Медвяному Поэту, что первый в России сплел венок сонетов, Вячеславу Иванову, этот сонетный венок отдаю» (Русская мысль. 1915. Кн. V. С. 1).

³ Иванов Вячеслав. Собр. соч. В 4 т. Т. 1. Брюссель, 1971. С. 71–72.

⁴ Отметим, однако, участие Кузмина (в двух ролях: молодого и старого крестьянина) в знаменитом представлении Башенного театра 19 апреля 1910 – в постановке Вс. Мейерхольдом драмы Кальдерона «Поклонение Кресту» (в переводе Бальмонта) и оформлении С. Ю. Судейкина.

⁵ Кузмин М. Собрание стихов. München, 1977. S. 620.

В этот знаменательный для современной русской поэзии день позвольте и мне выразить свою благодарность и привет находящемуся вдали от нас поэту. Не гадая о будущих судьбах поэзии, я приветствую те заслуги и достижения, которые стали очевидными для всех, без различия направлений, и посылаю далекому поэту любовь, которая может преодолевать расстояния. М. Кузмин.⁶

Отметим также, что через полтора года, когда Бальмонт смог вернуться в Россию, он приезжал на вечер, устроенный в «Бродячей собаке» в его честь 8 ноября 1913 года, на котором присутствовал и Кузмин.⁷

В свою очередь, Бальмонт в 1916 году откликнулся на 10-летие литературной деятельности Кузмина «солнечным посланием» (как было сказано в газетном отчете). Там же приводятся строки его приветствия:

В Египте преломленная Эллада,
Садов нездешних роза и жасмин,
Персидский соловей, садов усада,
Запали в глубь внимательного взгляда, —
Так в русских днях возник поэт Кузмин.⁸

Любопытно, что как раз в эти годы (1913–1915) на страницах дневника Кузмина часто мелькает имя сына Бальмонта, Николая, бывшего (как и Кузмин) завсегдаем «Бродячей собаки».⁹

⁶ ИРЛИ, Р. I, оп. 12, ед. хр. 629. Опубликовано в составе обзора: *Тимофеев А. Г.* Материалы М. А. Кузмина в Рукописном отделе Пушкинского Дома: (Некоторые дополнения) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 56. Отметим, что в данном случае отсчет литературной активности Бальмонта велся, вероятно, от первых публикаций 1885 (т. е. поздравление опаздывало на два года).

⁷ *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы Бродячей собаки // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1983. М., 1985. С. 215.

⁸ *Фрид С.* «Привал комедиантов»: X-летие М. А. Кузмина // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1916. 30 октября. С. 4. Текст послания цитируется в публикации: *Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Я., Тименчик Р. Д.* Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1988. М., 1989. С. 129.

⁹ В дневнике Кузмин именует его Никс или Бальмонтик, Бальмонтишка. К сожалению, тетрадь дневника обрывается 28 октября 1915, следующая за ней тетрадь (1915–1917) утрачена. На аукционе «Литфонд» (март 2024) был выставлен на продажу экземпляр «Глиняных голубок» (СПб., 1914) с дарительной надписью на титульном листе: «Дорогому Никсу Бальмонту искренно, М. Кузмин. 1915. Апрель» (Указанием на этот источник мы обязаны Г. В. Леоненкову).

Статья Кузмина в петроградской ежедневной газете «Жизнь искусства» относится уже к другой эпохе. Кузмин активно сотрудничал с «Жизнью искусства» в 1918–1922 годах,¹⁰ и продолжал публиковаться там до 1924 года, когда она уже превратилась в еженедельный журнал, до тех пор, пока не был фактически изгнан из этого печатного органа.¹¹ Повод к написанию был очевиден — в марте 1920 года исполнялось тридцать лет со времени начала литературной деятельности Бальмонта, точнее, выхода в свет его первого авторского стихотворного сборника.¹² Наиболее торжественно чествовали Бальмонта в Москве, как минимум два раза — 29 марта¹³ и 27 мая 1920 года.¹⁴

Парадоксальным образом выступление Кузмина в петроградской газете опередило московских литераторов и стало единственным заметным упоминанием Бальмонта в петроградской прессе (кроме того, и довольно точно совпадавшего с настоящей юбилейной датой — 15 марта). Отчасти это произошло благодаря своевременному обращению в письме от 10 марта к Кузмину редактора «Жизни искусства» Е. М. Кузнецова, просившего успеть к точному сроку — субботе, 13 марта (номер с материалом о Бальмонте выходил во вторник).¹⁵ Весеннее чествование оказалось последним — в июле 1920 года Бальмонт покинул Россию навсегда.¹⁶

¹⁰ С момента открытия в октябре 1918 и по начало марта 1920 Кузмин входил в редакционную коллегию газеты.

¹¹ См. об этом: *Дмитриев П. В. М. Кузмин «под маской»*. Статьи в «Красной газете» 1926–1929 гг. // *Дмитриев П. В. М. Кузмин: Разыскания и комментарии*. СПб., 2016. С. 395–397.

¹² *Бальмонт Константин*. Сборник стихотворений. Ярославль: Типолитограф. Г. В. Фальк, 1890.

¹³ *Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников*. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. М., 2006. С. 536.

¹⁴ Там же. С. 568.

¹⁵ См. РГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 256, л. 1. Отметим любопытное совпадение, как раз 16 марта «К. Бальмонт обращается к А. Луначарскому с предложением услуг “учено-литературного или же дипломатического свойства” в случае разрешения ему выезда за границу» (*Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников*. Библиография. Том 1. Часть 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. С. 531).

¹⁶ «25 июня 1920 года К. Д. Бальмонт выехал с семьей из Советской России» (Цит по: Библиография К. Д. Бальмонта / Составители: С. Н. Тяпков, А. Ю. Романов, О. В. Епишева. Т. 1. Произведения поэта на русском языке, изданные в России, СССР и Российской Федерации (1885–2005 гг.). Иваново, 2006. С. 160).

* * *

Первая публикация — Жизнь искусства. 1920. 16 марта. № 399. С. 1–2.

Текст статьи публикуется по автографу, начало которого (первые две страницы) утрачено.

Сохранившийся текст (со 2 по 6 страницу) был предоставлен нам для публикации Петербургским аукционным домом, приобретшим его у наследников М. Г. Ромма, сына Григория Ромма, одного из редакторов «Жизни искусства» в 1918–1921 годах. Выражаем благодарность Глебу Седову, исполнительному директору Петербургского аукционного дома.

Начало статьи (до знака ||) воспроизводится по первой газетной публикации. Как можно судить по автографу Кузмина, большая часть абзацев при размещении текста в газете была проставлена редактором. Мы сохраняем их в публикации, отметим только, что собственно авторские абзацы в сохранившейся части рукописи следующие: «Во всех его сборниках...» (с. 4) и четыре последних (с. 5–6). Редактором же надписаны для наборщика плохо читаемые слова (по новой орфографии, сама статья написана по старой). Судя по всему, выделения слов (в рукописи подчеркивания) также сделаны газетным работником для указания наборщикам. В газете они переданы разрядкой, мы воспроизводим их курсивом. «Ошибки» газетного наборщика (как принадлежность опубликованного текста) приводятся в сносках.

Публикатор выражает свою искреннюю признательность Ю. Б. Орлицкому, просмотревшего эту работу и сделавшего ряд ценных замечаний.

М. Кузмин

К. Д. Бальмонт

Во время последнего своего приезда в Петербург¹ Бальмонт жил на Большом проспекте Васильевского острова, у самой почти гавани. Из окон верхнего этажа видна была Нева с лебедками и полоска плоского линючего взморья.

Бальмонт, подойдя к окну, сказал: «Я люблю, отсюда виден океан» (причем «н» произносил в нос, на французский манер).

Конечно, ни Брюсов, ни Сологуб, ни Вяч. Иванов, ни Блок не назвали бы «Маркизовой лужи» океаном,² а Бальмонт назвал, и эта, если хотите, аффектация была в нем естественна, выражала характернейшую черту поэта — *артистичность*.

Артистичность — соединение театральности, увлечения, позы, естественного отчасти, отчасти искусственно поддерживаемого подъема — свойство далеко не всех художников, не всех поэтов, но придает какую-то особенную привлекательность данной личности. Такой человек может быть «кумиром».

И Бальмонт несомненно принадлежит к категории кумиров и довольно долгое время и был им.

Конечно, прекрасные достоинства поэта проверяются не тем, был ли он кумиром или не был. Кумирами, и несомненными, был и Игорь Северянин, и почти сделался Маяковский — и нельзя себе представить в виде кумира Хлебникова.³ Просто совсем другой темперамент, другое тесто художника.

И, я думаю, ни о ком не сохранится столько анекдотов, как о Бальмонте, доказывающих его артистичность и его поэтическую «причуду». Опять-таки это не какая-нибудь заслуга, но показательное свойство артистичности — может быть, на чей-нибудь взгляд и аффектированной и несносной.

Есть высокие и прекрасные художники, у которых артистичность так скрыта, что про них при усилении и желании не сочинишь никакого «богемного» анекдота. Какой анекдот расскажешь про Сомова, в то же время как про Судейкина можно вспомнить сотни.⁴ Достоинства художников эта черта не предсказывает, но известный характер его творчества и личности определяет.

Нежный, капризный, требовательный, артистичный, пламенный, может быть, несносный, Бальмонт — поэт, поэт и поэт.

Трижды поэт и исключительно поэт.⁵

Спешу прибавить — и поэт прекрасный, «напевный», как он сам выражался. Но эта самая напевность || некоторых может и отталкивать.

Больше всего Бальмонт осуществляет так поэта: поющего, как птица, как соловей, менее поэтично — как тетерев на току, влюбленно, закрыв глаза, ничего не видя и не слыша. Без всяких метафор, это верно.⁶

И напевные строчки льются, льются, звучат, звенят, затопляя и смысл, и слушателя, и закрывшего глаза поэта. В этом есть физический гипнотизм и магия.

Поэзия Бальмонта первым делом действует чувственно,⁷ звуково, через слух.

Но, как и при всякой магии, неисчерпаемые преимущества⁸ ее сопряжены и свои опасности. Магические формулы, имея власть волшебного действия, без веры и силы заклинающего и присутствующего обращаются в набор почти бессмысленных слов.

Бальмонт, к счастью, остается всегда *поэтом*, даже когда магия его менее чувствуется. Эту силу поэзии, может быть, больше,⁹ чем кто-либо, он сознает и сам, утверждая поэзию — как волшебство.¹⁰

Это свойство роднит произведения Бальмонта скорее всего с народным творчеством младенческих народов,¹¹ и, говоря о соответствии его таланта с теми вещами, которые он переводит, конечно, нужно признать наиболее удачными переводы и подражания заклинательных песен¹² разных стран и народов, а не индивидуальные достижения Шелли, Кальдерона, Уитмена (особенно), Эдгара Поэ¹³ и др. Знание языков и легкость стиха не делают Бальмонта безупречным переводчиком таких отдаленных по всему духу и складу от него поэтов, как Шелли и Уитмен. Причем Бальмонт, обреченный поэт,

соловей, влюбленный в свое искусство, отчасти в себя самого, не может и не хочет видеть другой личности, других людей, внешних предметов; все для него — в его чувстве, даже не в чувстве, а в неопределенных волшебных волнах магических звуков поэзии.

Потому Бальмонт не мог бы никогда быть романистом и зорким критиком. Его удел — прекрасными, настойчивыми, колдовскими повторами, напевностью, почти стихийною (и вместе с тем такою личною, капризною, влюбленною, неповторяемою) силою призывать небо на землю.

Во всех его сборниках, не ослабевая (я настаиваю на этом), звучит эта особенность, отлича¹⁴ его от других символистов и «декадентов». Мне кажется, что перемены в приемах и свойствах творчества за тридцать¹⁵ лет очень мало коснулись поэзии Бальмонта. Одинаковый процент удач, одинаковое горенье, пламенность, нежность остаются неприкосновенными до последних годов.

Перед нами все тот же капризный, юный, влюбленный, дерзающий поэт, не переживший еще затянувшегося периода «бури и натиска».

У всякой поэтической школы есть свои «бури и натиск».¹⁶ Кажется, только «акмеизм» благополучно явился и сел безо всякой бури, хотя, может быть, и с известным натиском.¹⁷ Теперь даже «бури» футуризма от нас отошли, и конечно уж далеки «бледные ноги» Брюсова.¹⁸ Бальмонт принадлежит к самому дерзкому, юному периоду символизма, периоду еще до «Весов», до «Скорпиона».¹⁹

У всякого поэта бывает свой возраст «бури и натиска», и Бальмонт каким-то чудом сумел его продлить, пронести больше четверти века. Он знает не только магию поэзии, но и секрет молодости, оставаясь по-прежнему свежим в последних своих произведениях. Одно время принято было считать сборники «Горящие здания» и «Будем как солнце» высшею точкой расцвета бальмонтского таланта,²⁰ по-моему же, все его сборники (не считая первых, нехарактерных для него) приблизительно одного достоинства, с тою только разницею, что чем они позднее, тем более удивляешься свежести и, так сказать, неприкосновенности его поэзии.

Прошло тридцать лет, и имя Бальмонта, внушавшее обожание одним, другим ужас, непомерное увлечение и непонятие, затем наслаждение (такова участь всяческих кумиров), теперь сделалось

твердым, чистым, любимым. Поэзия русская без него немислима, как драгоценный убор без алого рубина, как оркестр без флейты-заклинательницы, как сад без розы.

Времена меняются, проходят и временные пристрастия: может быть, не остановит на Кузнецком мосту Бальмонта незнакомая барышня и не поцелует ему всенародно руки, может быть, не осыплет его «эстетики»²¹ орхидеями, но все, кому дорога наша поэзия, кто что-нибудь видит в ней, будут тем горячее, чем спокойнее благодарны прекрасному, всегда молодому и пламенному поэту за его волшебства, за его напевность, его капризы.

¹ Вероятнее всего, имеется в виду приезд Бальмонта в Петроград конце 1915—начале 1916, когда он поселился в квартире на Васильевском острове по адресу: 22 линия, д. 5, кв. 20 (действительно, вблизи от Большого проспекта).

² Кузмин перечисляет крупнейших (помимо Бальмонта) поэтов — представителей символизма. «Маркизова лужа» — ироническое название мелководного Финского залива, восходящее к словоупотреблению военных моряков XVIII в.

³ Кузмин говорит здесь о предреволюционном десятилетии в русской литературе. Ср., однако, позднейшее событие (любопытное совпадением имен) 27 февраля 1918, когда в Москве в Политехническом музее состоялось «Избрание короля поэтов». После чтения поэтами своих стихов, места распределились так: «Первое место занимает Игорь Северянин, второе — В. Маяковский, третье — К. Бальмонт» (Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. С. 118).

⁴ Вероятнее всего, ничего конкретного в себе это утверждение не содержит, а только обозначает разные типы личности и дарования двух ярчайших русских художников начала XX в., с каждым из которых Кузмин был близок. И Сомову, и Судейкину принадлежат известные портреты Кузмина (1909 и 1911 соответственно). В 1921 в петроградском издательстве «Камена» отдельным изданием вышел очерк Кузмина «К. А. Сомов» (как текст к альбому). В дневниках Сомова отмечен эпизод 16 апреля 1916 на музыкальном вечере в семье Судейкиных, где Кузмин исполнял музыку А. Лурье: «С Судейкиным спорили по вопросу о декоративной живописи. Мы касались Врубеля, Григорьева, Яковлева, которых я горячо отстаивал» (Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников / Сост., вступ. ст. и примеч. Ю. Н. Подкопаевой и А. Н. Свешниковой. М., 1979. С. 158).

⁵ Ср., схожее по максимализму определение М. И. Цветаевой в ее очерке «Слово о Бальмонте» (1936): «Если бы мне дали определить Бальмонта одним словом, я бы не задумываясь сказала: — Поэт» (*Цветаева М.* Собр. соч. В 7 т. Т. 4. Воспоминания о современниках. Дневниковая проза / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М., 1994. С. 271).

⁶ Эта фраза в газетной публикации выпущена.

⁷ В газетной публикации: *чувствительно*.

⁸ В газетной публикации: *неисчерпаемыми преимуществами*, — очевидно стремление редактора исправить словосочетание Кузмина на «с неисчерпаемыми преимуществами», но в газете союз «с» пропал.

⁹ Слово «больше» вставлено по смыслу редактором.

¹⁰ Ср. с названием книги Бальмонта «Поэзия как волшебство» (М.: Скорпион, 1916).

¹¹ Бальмонт и в своем оригинальном творчестве, и в переводах отдал дань народной поэзии, достаточно вспомнить его переводы от «Испанских народных песен» (1900) до «Литовских народных песен» (1916). Но прежде всего, это оригинальные сборники: Полное собрание стихов. Т. VII. Жар-птица: Свирель славянина. М.: Кн-во «Скорпион»: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1907 (с разделами: «Ворожба». «Зыби глубинные», «Живая вода», «Тени богов светлоглазых»), а также: «Птицы в воздухе: Строки напевные» (СПб.: Шиповник, 1908), и в особенности: «Зовы древности: Гимны, песни и замыслы древних» (СПб.: Изд-во «Пантеон», 1908), где присутствуют в том числе стихотворные переложения текстов народов Мексики, Перу, Океании и др.

¹² В газете: *знаменательных песен*.

¹³ Эти четыре имени названы в качестве образца переводов Бальмонта, которыми он прославился более всего. Перечислим только собрания этих авторов или их главные произведения в переводе Бальмонта: *Шелли*. Полное собрание сочинений: [Нов. трехтом. перераб. изд.] / Пер. К. Д. Бальмонта; прим. переводчика; Т. 1–3. СПб.: изд. т-ва «Знание», 1903–1907; Сочинения Кальдерона. Вып. I–III / Пер. с исп. К. Д. Бальмонта. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1901–1912; *Уитман Уольт*. Побег травы / Пер. с англ. и предисл. К. Д. Бальмонта. М.: Кн-во «Скорпион», 1911; *Поэ Эдгар*. Собрание сочинений. Т. I–IV. / Пер. с англ. К. Бальмонта. М.: Скорпион, 1912.

¹⁴ В газете: *отмечая*.

¹⁵ В газете: *пятнадцать*.

¹⁶ «Буря и натиск» («Sturm und Drang») — название литературного движения в Германии в 1770-е. В одной из статей, близких по времени написания к публикуемой, Кузмин так характеризует это направление: «Эпоха “бури и натиска” — единственная эпоха в литературе (если не считать эпохи шекспировских современников), вся из плоти и крови, из дерзаний, пьяная от вольных желаний и головокружительных мыслей; если не все ее представители обладали гением, то материал, тесто, из которого они были вылеплены, было гениальным» (*Кузмин М.* Пафос юношеских драм Шиллера // Дела и дни Большого Драматического театра. 1919. № 1. С. 20). Чаще всего словосочетание «буря и натиск» имеет метафорический характер, как в данном случае.

¹⁷ Парадоксальным образом, в истории литературы Кузмин часто рассматривается как предтеча акмеизма (очевидно в связи с осязаемостью и вещностью некоторых его стихотворных описаний). Сам же поэт неоднократно отрекался от своей связи с акмеизмом, а в нескольких своих статьях подвергает его (правда, мимоходом) уничижительной критике. Ср., напр., абзац из статьи 1914 «Раздумья и недоумения Петра Отшельника»: «Школа всегда итог, вывод из произведений одинаково видевшего поколения, но никогда не предпосылка к творчеству, потому смею уверить футуристов и особенно акменстов, что заботы о теоризации и программные выступления могут оказать услугу чему угодно, но не искусству, не творчеству» (Петроградские вечера. Кн. 3. [Пг.]: М. И. Семенов, [1914]. С. 215. Подпись: *Петр Отшельник*).

¹⁸ Имеется в виду знаменитый одностих Брюсова «О, закрой свои бледные ноги» (1894), явившийся в ту эпоху манифестальным выражением идей модернизма.

¹⁹ Т. е. еще в конце XIX столетия. Московское символистское книгоиздательство «Скорпион» возникло в 1899, журнал «Весы» выходил в Москве с 1904 по 1909.

²⁰ Имеются в виду следующие издания: «Горящие здания: Лирика современной души» (М.: Типолитограф. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1900); «Будем как Солнце: Книга Символов» (М.: Кн-во «Скорпион», 1903). Скорее всего, Кузмин имеет в виду суждение Брюсова, высказанное им в постоянном обзоре «Новые сборники стихов», который он вел в журнале «Весы» (первым в обзоре шел сборник Бальмонта «Злые чары», 1906): «В течение десятилетия К. Бальмонт нераздельно царил над русской поэзией. Другие поэты или покорно следовали за ним, или с большими усилиями отстаивали свою самостоятельность от его подавляющего влияния. Но расцвет творчества Бальмонта уже в прошлом. Высшей точкой, которой достиг он в своем победном шествии, были «Горящие здания». Это — вершины, уходящие в ясную лазурь, это — льдистые венцы, горящие золотом на рассвете и пламенем перед закатом. За ними раскинулось высокое и гордое плоскогорье, с широкими кругозорами и свежительным разряженным воздухом, залитое чистым неумолимым светом: книга «Будем как солнце». Со следующего сборника, «Только Любовь», начинается уже спуск вниз, становящийся более крутым в «Литургии Красоты» и почти обрывистый в «Злых чарах»» (*Брюсов В. Новые сборники стихов // Весы. 1907. № 1. С. 69–71. Цит. по: Брюсов В. Я. Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии / Сост. Н. А. Богомолов и Н. В. Котрелев. М., 1990. С. 219.*

²¹ В автографе: *не осыпать его въ «эстетики» орхидеями.*